

Никитина Мария Анатольевна

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА СТИХОТВОРЕНИЯ Г. ГЕЙНЕ "DIE ROSE, DIE LILIE, DIE TAUBE, DIE SONNE" А. А. ФЕТОМ

В статье анализируется стихотворение Г. Гейне "Die Rose, die Lilie, die Taube, die Sonne" в переводе А. А. Фета. Выбор данного стихотворения обусловлен тем, что оно входит в один из самых значимых циклов "Книги песен" "Лирическое интермеццо", и на его примере можно увидеть разницу в восприятии мира поэта и переводчика. Цель анализа – определение слабых и сильных сторон перевода А. А. Фета. Лингвистический анализ основывается на точности передачи смыслового, графического, звукового, структурного и др. содержания оригинала. Большое значение при переводе играет личность самого переводчика. В результате анализа делается вывод о том, что перевод А. А. Фета является недостаточно близким к оригиналу.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/12-2/38.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (30): в 2-х ч. Ч. II. С. 150-153. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

N. V. GOGOL "SPOEM "DEAD SOULS" IN GERMAN CRITICAL RECEPTION OF THE 1900-1940S

Nikanorova Yuliya Vladimirovna, Ph. D. in Philology
National Research Tomsk Polytechnic University
yulya_nikanorova@mail.ru

The experience of N. V. Gogol's poem "Dead Souls" critical reception in Germany in the first half of the XXth century is considered in the article. The results of the German literary journals and monographs review of 1900-1940 are presented. The Russian symbolist criticism influence (D. S. Merezhkovskii's and so on) on the work comprehension process in the German culture is emphasized. The obviousness of the breakthrough in the poem reading from satire to psychoanalytical and religious-mystic interpretations, and also its inclusion in the world literature context are accentuated.

Key words and phrases: literary criticism; "Dead Souls" poem; N. V. Gogol; D. S. Merezhkovskii; reception.

УДК 81'255,2

Филологические науки

В статье анализируется стихотворение Г. Гейне «Die Rose, die Lilie, die Taube, die Sonne» в переводе А. А. Фета. Выбор данного стихотворения обусловлен тем, что оно входит в один из самых значимых циклов «Книги песен» «Лирическое интермеццо», и на его примере можно увидеть разницу в восприятиях мира поэта и переводчика. Цель анализа – определение слабых и сильных сторон перевода А. А. Фета. Лингвистический анализ основывается на точности передачи смыслового, графического, звукового, структурного и др. содержания оригинала. Большое значение при переводе играет личность самого переводчика. В результате анализа делается вывод о том, что перевод А. А. Фета является недостаточно близким к оригиналу.

Ключевые слова и фразы: перевод; вариация; парная рифма; параллелизм; анафора.

Никитина Мария Анатольевна

Московский государственный областной университет
mond89@list.ru

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА СТИХОТВОРЕНИЯ
Г. ГЕЙНЕ «DIE ROSE, DIE LILIE, DIE TAUBE, DIE SONNE» А. А. ФЕТОМ©**

А. А. Фет – поэт, на жизнь и творчество которого поэзия Г. Гейне оказала сильнейшее влияние, несмотря на то, что количество его переводов совсем невелико. Существуют различные мнения степени влияния Г. Гейне на А. А. Фета, некоторые считают, что у русского поэта встречаются мотивы Гейне, другие же, что он ему подражал. Так, например, Л. А. Мей писал о «Гаданиях»: «Три первые из этих мелодий как бы вариации на одну и ту же тему; в них, так же, как и в четвертой, беспрестанно проглядывает что-то гейневское, но, несмотря на это, вы вынесли из этих пьес непременно приятное впечатление <...> Мелодия 12-я <...> и 17-я <...> показались нам чрезмерно слабыми, может быть, потому, что они слишком живо напомнили нам недостатки поэзии Гейне...» [4, с. 41]. По мнению Мея, влияние Гейне сказывается в туманности и неясности оригинальной лирики Фета.

Ап. Григорьев – друг и соратник великого поэта, говорит о существенном различии поэзии Гейне и Фета: «С Гейне в особенности находят в нем <Фете> многие сходство, но едва ли это справедливо. За исключением прямых и мастерских переводов из этого поэта да двух-трех стихотворений, навеянных одинаковым с ним настроением и до того оригинальных, что сам Гейне не постыдился бы подписать под ними свое имя, – мы не видим сильного отражения этого поэта на стихотворениях г. Фета. <...> Находить в г. Фете сходство с Гейне – значит весьма односторонне понимать Гейне и не знать стихотворений г. Фета» [2, с. 54]. А. Григорьеву, однако, удалось приоткрыть завесу тайны Г. Гейне и А. А. Фета, понять, что их на самом деле объединяет: «...ум или талант предохранили его <Фета> от повторения острот Гейне, указали ему на одну только родственную черту с Гейне — на способность сообщать осязаемость тонким, неопределенным, для других не подмечаемым впечатлениям» [Там же, с. 55]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что мнения критиков по данному вопросу расходятся, но их роднит понимание важности лирики Г. Гейне в творчестве А. А. Фета.

Я. И. Гордон писал: «Гейне в деятельности переводчика <Фета> по количеству переводов и по интересу русского поэта к нему занимает первое место, а далее уже следуют Хафиз, Гораций, Гете» [1, с. 128]. Фет всегда в своих статьях и предисловиях к переводам отстаивал принцип буквализма и точной передачи внешней формы оригинала, что, конечно же, отложило отпечаток и на его переводы Г. Гейне. А. А. Фет один из первых предпринял попытку найти аналог гейневским *freie Rhythmen*, чем, несомненно, заслужил одобрение современников.

Перевод, выбранный нами для анализа, представляет собой одну из миниатюр цикла «Лирическое интермеццо». Стихотворение «Die Rose, die Lilie, die Taube, die Sonne» расположено в сборнике под номером 3 и открывает его, располагаясь после программного стихотворения «Aus meinen Thränen sprießen...» и перед миниатюрой «Wenn ich in deine Augen seh'...».

Die Rose, die Lilie, die Taube, die Sonne, Die lieb' ich einst alle in Liebeswonne. Ich lieb' sie nicht mehr, ich liebe alleine Die Kleine, die Feine, die Reine, die Eine; Sie selber, aller Liebe Bronne, Ist Rose und Lilie und Taube und Sonne.	Лилею, розой, голубкой, денницей Когда-то и я восторгался сторицей. Теперь я забыл их, пленялся одною Младую, родную, живую душою. Она всей любви и желаний царица, Мне роза, лилея, голубка, денница.
--	---

В стихотворении говорится о том, как лирический герой был много раз влюблен то в одну, то в другую девушку, и все они были разными, но по-своему прекрасными («Die Rose, die Lilie, die Taube, die Sonne»), а потом полюбил другую, и уже она стала для него той единственной. Главный герой сравнивает любимую с розой, лилией, голубкой, солнцем («Die Rose, die Lilie, die Taube, die Sonne»). Эти существительные-символы характеризовали все те стороны любви, которые были ведомы ранее лирическому герою, но теперь они все сочетаются в одной единственной любимой. До нее было много других девушек, но на их место пришла другая, которая стала для него всем, круг замкнулся, жизнь продолжается. О чем свидетельствует в свою очередь и форма стиха – кольцевое обрамление, первая («Die Rose, die Lilie, die Taube, die Sonne») и последняя («Ist Rose und Lilie und Taube und Sonne») строки практически идентичны. Удивительно, как поэту в шести строчках удалось показать любовь от ее зарождения, когда любимые были «Die Kleine, die Feine, die Reine, die Eine» (маленькая, тонкая, чистая, единственная) и ее пик «Rose und Lilie und Taube und Sonne». В стихотворении два времени повествования: настоящее и простое прошедшее. Шестистишие пронизано чувством любви, здесь основа «lieb-» употребляется 5 раз. Перечисления в первой и четвертой строках говорят, с одной стороны, о переполняющих лирического героя чувствах, которые не дают ему возможности подобрать точное описание своей возлюбленной, потому что все, что бы он сейчас о ней ни сказал, этого будет мало; с другой стороны, для нагнетания атмосферы и ускорения ритма стихотворения. Однако наиболее привлекательна в этом стихотворении четвертая строка, которая построена на внутренней рифме, которую очень трудно будет передать переводчику.

Оригинал представляет собой шестистишие с женской рифмой, где ударение падает на предпоследний слог, что помогает передать нежность лирического героя. Рифма парная («Die Rose, die Lilie, die Taube, die Sonne/ Die lieb' ich einst alle in Liebeswonne»). Стихотворение написано амфибрахией. Рифма у Гейне, как и в большинстве его стихотворений, богатая, точная (Sonne – Liebeswonne, alleine – Eine, Bronne – Sonne). Здесь излюбленный гейневский параллелизм. Еще один прием, который использован поэтом в этом стихотворении, это бессоюзие (асиндетон) в начале стихотворения («Die Rose, die Lilie, die Taube, die Sonne»), придающее шестистишию динамичность, насыщенность, с одной стороны, и выражающее желание поэта показать, что все это теперь неважно, все было суетой – с другой. В последней же строке Гейне использует противоположенный прием, это многосоюзие («Ist Rose und Lilie und Taube und Sonne»). При помощи повторяющегося союза «и» подчеркивается целеустремленность и единство перечисляемого, ведь теперь все эти слова лишь об одной Ней.

Теперь обратимся к переводу А. А. Фета этого стихотворения. Он также написан амфибрахией, использована, как и в оригинале, женская смежная рифма. И сразу обратим внимание на передачу смысла переводчиком. В первой строке слова роза и лилия поменяны местами («Die Rose, die Lilie, die Taube, die Sonne» и «Лилею, розой, голубкой, денницей»). Нейтральное слово «die Sonne» поэт перевел лексемой «денница», которая, обозначает «утреннюю зарю» [6]. Само же слово относится к устаревшему, поэтическому, книжному стилям речи. Лексему «die Lilie» А. А. Фет перевел словом «лилея» поэтического, книжного стилей речи. Поэт вообще любил употреблять это именно в этой форме. Так, в стихотворении «Alter ego», посвященном Марии Лазич, он писал «Как лилея глядится в нагорный ручей, ты стояла над первою песней моей» [5, с. 76].

Вторая строка «Die lieb' ich einst alle in Liebeswonne» (пер. «Когда-то я ее любил в любовном упоении, блаженстве») и «Когда-то и я восторгался сторицей», как мы видим здесь нейтральный глагол «liebte» переводчиком передан словом «восторгался». Слово «Liebeswonne» относится к возвышенному, поэтическому стилю речи. Словосочетание «in Liebeswonne» Фет попытался заменить словосочетанием «восторгался сторицей», что не передает смысла оригинала, как такового перевода этого словосочетания нет. При этом поэт употребил слово «сторицей», которое является книжным, устаревшим и обозначает «во много раз больше, букв. во сто раз больше» [6], что говорит не только о неточном переводе, но еще и об изменении возвышенного, поэтического стиля второй строки оригинала.

Следующая, третья строчка «Ich lieb' sie nicht mehr, ich liebe alleine» («Я больше ее не люблю, я люблю лишь...») в переводе звучит как «Теперь я забыл их, пленялся одною», и здесь видна существенная разница в передаче оригинала. Глагол «liebe» переведен глаголом книжного стиля речи «пленялся». Он является формой несовершенного вида к «пленяюсь», «пленяешься» и означает «покориться, поддаться силе чьего-либо очарования, влияния» [Там же]. Также заметим, что имеются отличия и в передаче времени повествования: оригинал – два раза глагол «liebe» в настоящем времени и перевод – «забыл», «пленялся» в простом прошедшем времени. Да и уже само то, что переводчик вместо лексической анафоры (глагол «liebe») использовал два отличных друг от друга глагола «забыл» и «пленялся», никак нельзя записать в плюсы перевода. Еще одним приемом, использованным в оригинале и хорошо переданным поэтом, является перенос в данной строке («ich liebe alleine» и «я люблю лишь»).

Следующая, четвертая строка «Die Kleine, die Feine, die Reine, die Eine» (пер. «маленькая, изящная, невинная, единственная») в переводе звучит как «одною / Младую, родною, живую душою». А. А. Фету удалось передать внутреннюю рифму данной строки, однако нет точной передачи смысла. Нейтральное слово «die Kleine» переводчик перевел лексемой «младая», относящейся к церковно-книжному, поэтическому, устаревшему стилям речи. В оригинале нет слова «душа», которое само по себе относится к разговорному стилю речи, но в данном контексте «младую душою» – к книжному. Перевод звучит более возвышенно, возлюбленная одухотворяется переводчиком.

Пятая строка «Sie selber, aller Liebe Bronne» (пер. «она одна источник любви») переведена «Она всей любви и желаний царица». Сразу заметим, что в оригинале нет ни «желаний», ни «царицы». Слово «Bronne» переводится как «источник», «кладезь» и относится к поэтическому стилю речи. Слово «царица» является метонимией. Использование слова «царица» здесь также необоснованно, т.к. оно придает возвышенность стихотворению.

Шестая строка звучит как «Ist Rose und Lilie und Taube und Sonne» и в переводе – «Мне роза, лилея, голубка, денница». Здесь переводчик был близок к оригиналу, замечания по поводу лексем «лилея» и «денница» мы уже приводили выше.

Стихотворение «Die Rose, die Lilie, die Taube, die Sonne» очень нежно и красиво, поэтому оно пользовалось популярностью среди русских переводчиков. Помимо А. А. Фета переводили также П. А. Кусков и П. В. Быков, однако показательным, по нашему мнению, переводом является интерпретация Зоргенфрея. Он перевел так:

*Голубка и роза, заря и лилея, —
Я прежде любил их, пылая и млея,
Теперь не люблю, и мила мне иная,
Иная, родная, моя неземная;
Ее одну я в сердце лелею —
Голубку и розу, зарю и лилею [Цит. по: 3, с. 65].*

Стихотворение «Die Rose, die Lilie, die Taube, die Sonne» в переводе А. А. Фетом также мелодично и лирично. И это не случайность. Фет был человеком тонкой душевной организации, с глубокой раной в сердце, не заживавшей у него всю жизнь. Он был поэтом «чистого искусства», в числе которых были Майков, Щербина и др. Фет был поэтом «вечных ценностей» и «абсолютной красоты» (Дружинин, Боткин, Григорьев и др.). Он был консерватором и монархистом.

В 40-50-х гг. А. А. Фет выступил продолжателем того нового классицизма, который складывался в поэзии Батюшкова, Дельвига и некоторых других поэтов пушкинского круга. Наиболее показательны для Фета в этот период – антологические стихи. В духе этого нового классицизма поэзия молодого Фета стремится запечатлеть отблески абсолютной красоты, вечных ценностей, противостоящих в своем покоящемся совершенстве «низкому», полному суетного движения бытию. Подобные тенденции отразились и на переводном творчестве поэта.

В XX веке Б. Я. Бухштаб писал о том, что он чувствует в лирике Фета особый род антропоморфизма: «Это не тот антропоморфизм, который всегда присущ поэзии как способ метафорической изобразительности. Когда Пушкин говорит о реке –И лижет утесы холодной волной» – это метафорическое изображение бурной реки в скалистых берегах <...>. Но когда у Тютчева деревья бредят и поют, тень хмурится, лазурь смеется... – эти предикаты уже не могут быть поняты как метафоры. Фет идет в этом дальше Тютчева. У него —веты глядят с тоской влюбленной», роза —странно улыбнулась», ива —дружна с мучительными снами» <...>. Человеческие чувства приписываются явлениям природы без прямой связи с их свойствами... Этому Фет, действительно, мог учиться у Гейне» [5, с. 6]. Но, несмотря на это, Бухштаб отмечает: «Если Гейне свойственны иногда недосказанность, лирическая фрагментарность, описание природы, как бы откликающейся на настроения лирического героя, то способы словоупотребления и словосочетания у Фета, придание словам смутного, ассоциативного значения, в котором на первый план выступают эмоциональные ореолы слова, – все это совсем не близко Гейне с его ясным словоупотреблением» [Там же, с. 309].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что для лирики Гейне и Фета характерен параллелизм мотивов природы и чувств лирического героя. Однако нужно отметить, что у Гейне в большинстве случаев условный, художественный смысл параллелизмов, которые можно обозначить как «пейзаж-чувства лирического героя», разоблачается иронической рефлексией. В них присутствуют ирония, театральность, игровой характер приема. Фет, напротив, относится к этому приему «серьезно», придает ему отчасти фольклорный, отчасти символический смысл. По этой причине Фет не переводил те стихотворения, в которых игровой характер параллелизма переходит в откровенно ироническое звучание.

А. А. Фету в переводе стихотворения «Die Rose, die Lilie, die Taube, die Sonne» удалось передать иронию Г. Гейне, однако стиль повествования не везде соблюден. В целом, смысл стихотворения передан так же, как и размер, рифма и пунктуация, но стилистически сложно назвать данное шестистишие полноценным переводом. А. А. Фет в свойственной ему манере неплохо передал форму, но содержание от этого очень пострадало.

Звучание стихотворения почти бытовое. Поэт пытается рассказывать очередную историю. Он расставляет свои акценты, заходит слишком далеко там, где этого не нужно, и недостаточно точен к оригиналу там, где необходимо. Усиление лирической направленности, некоторое повышение его общего эмоционального строя – одна из устойчивых характеристик фетовских переводов из Гейне.

В ходе данного лингвистического анализа стихотворения А. А. Фета мы пришли к выводу, что перевод выполнен недостаточно близко к оригиналу.

Список литературы

1. Гордон Я. И. Гейне в России (1830-1860-е годы). Душанбе: Ирфон, 1973. 360 с.
2. Григорьев А. А. Стихотворения Фета Москва, 1849 // Отечественные записки. 1850. Т. 68. Отд. 5. С. 51-72.
3. Дейч А. И. Поэтический мир Генриха Гейне. М.: Художественная литература, 1963. 448 с.
4. Мей Л. А. Стихотворения А. Фета. Москва. 1850 // Москвитянин. 1850. № 6.
5. Фет А. А. Полн. собр. стихотворений / вступ. ст., подг. текста и прим. Б. Я. Бухштаба. Л.: Советский писатель, 1959. 898 с.
6. <http://ushakovdictionary.ru/>

LINGUISTIC ANALYSIS OF H. HEINE'S POEM «DIE ROSE,
DIE LILIE, DIE TAUBE, DIE SONNE» TRANSLATED BY A. A. FET

Nikitina Mariya Anatol'evna
Moscow Region State University
mond89@list.ru

The article analyzes H. Heine's poem «Die Rose, die Lilie, die Taube, die Sonne» translated by A. A. Fet. The choice of this poem is conditioned by the fact that it is one of the most important cycles of «The Book of Songs», «Lyrical Intermezzo» and by its example one can see the difference in the perceptions of the world by the poet and the translator. The purpose of the analysis is the determination of weak and strong points in A. A. Fet's translation. Linguistic analysis is based on the accuracy of the reproduction of semantic, graphic, sound, structural and other content of the original. The personality of a translator is of great importance in translation. The analysis concludes that A. A. Fet's translation is not close enough to the original.

Key words and phrases: translation; variation; plain rhyme; parallelism; anaphora.

УДК 811.161.1;811.163.1

Филологические науки

В статье впервые рассматривается вербальная репрезентация концепта «Промысел» в древнеславянском переводе Деяний и Посланий апостолов. На фоне греческого первоисточника исследуются данные различных редакций текста. Выявляются два основных способа метафоризации в древнейшей версии Апостола, интерпретирующих промысел Божий как зрительную и речевую деятельность, что существенно отличается от концептуализации оригинала, подразумевающей интеллектуальную и волевою активность.

Ключевые слова и фразы: древнеславянский перевод Апостола; одновременные версии; концепт «Промысел»; вербализация; метафоризация.

Новак Мария Олеговна, к. филол. н., доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет
mariaonovak@gmail.com

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ПРОМЫСЕЛ»
В ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОМ ПЕРЕВОДЕ АПОСТОЛА©**

Данная статья представляет часть масштабного исследования, посвященного лексической истории славяно-русского перевода Деяний и Посланий апостолов, оказавшего существенное влияние на становление как церковнославянского, так и русского литературного языка, и ставит задачу рассмотрения языкового воплощения в изучаемом памятнике концепта «Промысел». Обращение к лингвокогнитивному аспекту анализа продиктовано общей логикой исследования: поскольку в корпусе Деяний и Посланий присутствуют языковые обозначения ключевых концептов христианской онтологии и этики, постольку для построения лексической истории Апостола важно изучение как самих концептов, так и соотносимых с ними лексико-семантических полей (далее – ЛСП). Такое исследование целесообразно провести с позиций когнитивной семасиологии, которая «использует понятие *концепт*, во-первых, как *инструмент для ограничения* исследуемого языкового материала, а также для раскрытия внутреннего единства и структурированности значительных участков лексико-фразеологической и синтаксической системы языка, объединяемых репрезентацией одного концепта... во-вторых, как инструмент объяснения и углубленного описания семантики единиц языка» [5, с. 22].

Рассмотрение материала в диахронии предполагает привлечение одновременных источников. Ниже на фоне греческого оригинала будут анализироваться восточно- и южнославянские списки Апостола древнейшей, преславской, Чудовской и афонской редакций (о текстологии Апостола подробнее см., например, в работе Т. В. Пентковской [4, с. 15-16]). Греческий текст приводится по [12].

Идея божественного Промысла как заинтересованного отношения Бога к Своему творению – миру и человеку – является основополагающей для христианской телеологии и сотериологии. В тексте Апостола присутствует вербализация целого ряда представлений о божественной деятельности в мире. ЛСП данного